

СМЕЯСЬ ВЗАПРАВДУ И СКОРБЯ...

Я ДОЛГО, еще до нынешних гастролей Шяуляйского театра в Вильнюсе, оттягивала встречу и знакомство с Наташей Огай, режиссером этого театра. Слишком уж много восторженных отзывов было о ней. Хотелось выждать, когда схлынет эта волна открытий нового дарования. Но вот посмотрела спектакли и обрадовалась: это художник зрелый, которого уже не смутит ни ранняя слава, ни тяжкий труд.

Традиционно искать корни, истоки дарования в детстве, юности художника. Что ж, у Наташи приверженность к театру проявилась очень рано и определено. Но сама она основой своего умения считает ГИТИС. Особенно она признательна профессору, народной артистке СССР Марии Осиповне Кнебель. Пойди теперь, проследи — что откуда. Да и надо ли? Есть настоящее: спектакли, поставленные Н. Огай с коллективом театра в прошлом сезоне.

С «Эвридики» Жана Ануя я уходила почти с физическим ощущением тяжести, горя. И уже потом определился вопрос. Жан Ануй оказался настолько добрым, что отпустил своего Орфея к Эвридике — в смерть. А Наташа Огай оставила его жить. Жить без Эвридики в смрадном мире, где он и прежде был чужой,

а теперь — опустошенный и отягощенный виной, что он будет делать?

...Жан Ануй бывает неожиданно добрым к своим человеческим героям: проведя их по всем кругам мук земных, посылает им затем в избавление смерть или случай. Наташа к Орфею беспощадна: «Это было бы слишком легко для него — умереть...». И так жестко это было сказано, будто речь шла о действительно существующем человеке, а не персонаже спектакля. При этом вспомнилось, как показались неестественным традиционный выход актеров к зрителю в конце спектакля — настолько полна была до того иллюзия реальности происходящего на сцене (хоть и пьеса, и спектакль построены на символических условностях). А слова Наташи, жесткость тона явствовало о том, что изменение в спектакле исхода пьесы и смещение акцентов в ней подсказаны четкой и ясной нравственной позицией...

Жан Ануй — ироничный, злой драматург. И логичный до предела. Даже парадоксы и явные неожиданности у него логичны. Если не внешне — в действии, то во внутренних послылках, побудительных причинах — обязательно. «Эвридика» — пьеса о растленной сути буржуазного мещанства, которое Жан Ануй прекрасно

знает. В «Эвридике» он утверждает, что душевная чистота, человечность, истинная любовь несовместимы с грязным миром. Что злорадия и грязь неизбежно рожают неверие в возможность чистоты и человечности. Главное в пьесе — Эвридика, ее гибель разоблачает этот мир и снимает коросту грязи и лжи с тех, кто еще не окончательно в них погряз. А Орфей лишь помогает автору, он как бы катализатор в этой драме. И автор милостиво позволяет ему умереть, чтобы соединить с Эвридикой там — по ту сторону. Орфей у него наделен правом требовательности к Эвридике, так как и сам он не приемлет грязи и лжи.

Спектакль же Шяуляйского театра, сохраняя смысловую и эмоциональную роль Эвридики, в центр ставит Орфея, причем, изменив его основательно. Шяуляйцы следуют Ануя лишь в издевательствах изощренного раскрытия гнусности мещанства. Главное же они трактуют противоположно ему. Спектакль — об обязательности, ответственности за любящего тебя человека, если ты его любовь принял и ответил на нее.

О том, что светлые чувства сильны лишь, если они действительны, а тогда вся гнусность — побеждена. Вот это утверждение — главное в по-

становке «Эвридики» Наташей Огай: победы ложь и грязь, если им противопоставить силу доверительной до конца и действенной, даже воинственной любви. Доказательство этого в спектакле идет как бы от обратного: Эвридика гибнет потому, что встреча с Орфеем, таким, как его представили шяуляйцы, ее лишила сил. Раньше она, не щадя себя, противопоставляла насилию свою человечность и побеждала. Орфей всю ее нежность и чистоту обратил к себе и убил неверием. Но требовательный к Эвридике, сам по себе он оказался слабым. Вот откуда это жесткое Наташи: «Было бы слишком легко для него — умереть».

Жан Ануй в «Эвридике» как бы разводит руками: «Такова жизнь...». Наташа Огай идет дальше: доказывает, что жизнь может не быть, должна не быть «таковой». Что в воле человека изменить окружающий мир. Доказывает, что каждый ответствен, если грязно и лживо вокруг. Спектакль страстно обращен к зрителю, вызывает гнев к мерзости продажных отношений, которые строятся на похоти и расчете. Вызывает гнев к жестокому и слабому Орфею, горестную нежность и уважительное сострадание к Эвридике.

И вопрос, который возник у многих: имеет ли право театр изменять произведение драматурга, его концепцию, мне думается, в данном случае снимается полностью. Имел право на это режиссер, ибо сказал не менее, а более для нас важное, чем то, что утверждает Ануй.

Эвридика и мир, в котором жили и встретились герои, в постановке Шяуляйского театра явились средствами выявления человеческой и духовной несостоятельности Орфея. Доведены эти средства режиссером и актерами до высшей точ-

ки проявления их сути. Пленительна нежная, внутренне строгая и нервно чуткая к любому отголоску жизни Эвридика Кристины Андрияускайте. Актерский ансамбль органично слит в гротескном выражении гнусности среды, в которой распяты любовь и человечность. Декорации, даже парадоксальное сочетание цвета — серые стены, серая одежда светловолосых и

Н. ОГАЙ. Фото И. ФИШЕРИСА.

светлоглазых Эвридики и Орфея и рискованная, но верная гамма ярких крикливых красок одежды остальных — все «работает» на замысел спектакля.

Ту же тему неизбежности конфликта внутренней чистоты со злом и лицемерием несет и другой спектакль, поставленный Наташей Огай — «Затюканный апостол» О. Макаенка.

В отличие от Жана Ануя, у которого мысли, идеи подспудны, вытекают из ситуаций, в «Затюканном апостоле» все «на ладошке». В постановке шяуляйцев плакатность пьесы углублена эмоционально. Обозначенная трагикомедией, она у них обернулась драмой.

Режиссер с коллегами подняли действие до грозных обобщений, печальный случай со смешными ситуациями перевели в обвинение и предостережение, еще больше уточнив адрес, данный автором — США. Спектакль уводит нас в глубь человеческих взаимоотношений, комичные ситуации здесь смеха не вызывают, ибо смешное получилось страшным...

При всей разности пьес, спектакли родственны. И дело не только в аналогии среды, в которой живут герои обеих пьес. Спектакли схожи по страстности обличения, которая предопределена режиссером, его позицией и мастерским владением сценическими средствами. Так, в «Эвридике» при символичности персонажей и действия

вещный мир реален и грубо обнажен, в «Затюканном апостоле» реалистичное действие обостряется и поднимается до обобщения многозначной символикой предметов. И в первом, и втором случае это рискованно, так как сценическое решение средством объединения реального и символического, кроме богатой выдумки, требует и предельного чувства меры. В спектаклях Н. Огай наличествует

и то и другое, сценические средства богаты и точны одновременно. Здесь уже не просто вкус, а еще и большие знания возможностей, умение найти и поставить на службу замыслу много и ровно столько, сколько нужно.

Общее для обеих спектаклей также — свое прочтение пьесы, использование ее как материала, а не прямого руководства. Причем, использование умное и логичное.

— Люди хотят смеяться и плакать, это — естественно, и это должен дать им театр. Да, театр должен давать пищу для смеха и слез, раздумий и решений. Я — за горячий театр, — объясняла мне свою позицию Наташа, а я уже увидела это в ее работе.

Планы? Наташа Огай яростно ненавидит фашизм и национализм, поэтому так изощренно разоблачается гнилость мещанства и его губительная суть в ее спектаклях, поэтому она хочет поставить «Белую болезнь» Карела Чапека.

В моем же представлении Наташа Огай ассоциируется с языком огня — трепетным и ярким, всегда готовым вспыхнуть пламенем нового открытия, которое в искусстве дается лишь одержимостью и очень тяжелым трудом.

Т. ЮРНА.